

Конговские
ТАУНЫ

В серии уже вышли:

ОЛЬГА КУНО
Тайна Темного Оплота

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Палата за одиночество

НАТАЛЬЯ КОСУХИНА
Чаромир

ИРИНА ЗВОЛИНСКАЯ
Наследники погибших династий

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА
Песня Вуалей

ДАРЬЯ СНЕЖНАЯ, ЛЮБОВЬ РЕМЕЗОВА
Артефактика. От теории к практике

АННА ОДУВАЛОВА
Притворюсь твоей

ЛИНА АЛФЕЕВА, ТЕССА ГРОМОВА
Смертельный ритуал

ИРИНА ШЕВЧЕНКО
Пока ты веришь

АННА КРУТ, ВАЛЕРИЯ ОСЕННЯЯ
Книжный клуб заблудших душ

БРОНИСЛАВА ВОНСОВИЧ
Палата за наивность

ЛЕССА КАУРИ
Стрекоза для покойника

НАДЕЖДА МАМАЕВА

ШЕПОТ
БЛУЖДАЮЩИХ ПЕСКОВ

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М22

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *С. Дудина*

Оформление *Л. Ласица*

Мамаева, Надежда Николаевна.

М22 Шепот блуждающих песков / Надежда Мамаева. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 352 с. – (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-98540-1

Главе службы безопасности нужно найти похищенного наследника, кронпринцу – свою истинную пару, а девушке из приюта – путь к свободе. Их троих судьба сводит на ежегодных боях големов. Бесприданница и благородный – счастливая сказка? Но судьба посчитала иначе.

Тайна, которую хранят стены императорского дворца, подворотни городских трущоб, пески пустыни и мужские сердца, ждет. Вот только успеют ли герои найти ответы на свои вопросы? Часы уже начали обратный отсчет...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98540-1

© Мамаева Н.Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Автор сердечно благодарит:

*Светлану Крылову – за внимание к деталям,
Брониславу Вонсович – за магическое ускорение,
Полину Лебедеву – за огранку,
Марину Тодорову – за сердечное отношение,
Максима – за менестрелей,
Наталью и Василия – за то, что верили
в автора больше, чем он сам в себя,
и дорогих читателей – за поддержку.*

ПРОЛОГ

Дирижабль причалил к пирсу. Здоровенная машина с тремя мощными винтами силовой установки, опутанная энергетическими нитями, плавно покачнулась, словно удобнее устраивая свое брюхо пассажирского отсека в клоках тумана.

Лопasti аэростата, крутанувшись последний раз, замерли в терпеливом ожидании, в отличие от людской толпы, снедаемой любопытством и жаждой зрелища. Как то: оркестр, продрогший под морозящим дождем, но умудрявшийся так виртуозно фальшивить, что его игру можно было принять за весьма талантливую импровизацию. Праздная публика за ограждением. Цилиндры и пальто. Турнюры, вуалетки, зонты. И, конечно же, вездесущие журналисты с блокнотами и камерами-гармошками на изготовку.

Мгновения слагались в минуты, дождь моросил все сильнее, сиятельные леди и джентльмены жаждали лицезреть кронпринца, вернувшегося из дипломатической миссии. Наконец, спустя некоторое время, капитан охраны сам ступил на ковровую дорожку, появившуюся сразу, едва закрепили швартовы. Он уверенным шагом поднялся по трапу.

Оркестр смолк. Тем отчетливее в наступившей тишине прозвучал голос появившегося из дирижабля капитана, бросившего своему старшему помощнику:

– Вызывай службу императорской безопасности. Срочно!

После этой короткой, но прочувственной «речи» офицер настоятельно рекомендовал собравшимся расходиться, и если сиятельные решили внять совету, то у акул пера такой поворот событий пробудил небывалое профессиональное рвение. Никакие угрозы и окрики полисменов не заставили отважных профессиональных сплетников покинуть причал.

Стоит ли говорить, что уже вечером газеты пестрели громкими заголовками: *«Кронпринц похищен!»*, *«Династия Эронов может прерваться?»*, *«Кто виноват в исчезновении наследника Микаэля: лорды стихий или обычные люди?»*

В то же самое время, когда на улицах крикливые мальчишки-торговцы всюду размахивали желтыми листками, только что вышедшими из-под типографского станка, в личном кабинете за внушительным столом из бука сидел глава департамента безопасности. К тридцати восьми годам Хантер Элмер разгадал множество сложных загадок, выследил дюжину шпионов и рецидивистов, но вот похищений кронпринцев в его практике еще не случалось. А потому сейчас сиятельный занимался архиважным делом: он курил. Сизый дым из трубки был столь крепок, что многих, впервые его вдохнувших, заставлял закашляться. Но подчиненные Хантера хорошо знали не только об этом свойстве табака, но и о том, что, когда лорд Элмер курит, его не следует беспокоить. Поскольку в эти моменты, помимо всего прочего, глава отдела безопасности императорской семьи, как любил выражаться его секретарь, «дедуктировал».

Хантер побарабанил пальцем по столешнице и в раздражении отложил трубку. Он пристально уставился на единственную найденную на дирижабле улику — серую нитку висконской пряжи, изрядно засаленную и потертую. Кроме нее, ничего, как бы ни старались его ищейки, не обнаружили: ни возмущения магического фона, ни тел членов экипажа, ни следов борьбы или сонного зелья.

Рука Элмера машинально потянулась к увеличительному окуляру. Щелчок пальцев — и нитка начала медленно раскручиваться, высвобождая из тугого плетения волокна и мельчайшие песчинки. Хантер наклонился над столом, и белая, как шапка ледника, прядь волос, выбившись из короткой косицы, упала на лицо сиятельного. Он не обратил на нее никакого внимания. Слишком его заинтересовали крупинки. Ярко-рыжие, правильной восьмигранной формы. Их нельзя было рассмотреть человеческим глазом, да и обычное зрение сиятельных этого бы не позволило — но не многократно усиленное магическим окуляром.

Хантер пинцетом аккуратно отделил одно от другого волокна пряжи самой обычной на первой взгляд нитки. Единственное, что было особенным, — это способ двойного кручения, когда кудель сначала пряли в одну нить, потом мочили, а затем сплетали со второй такой же.

Между плетением оказалась засохшая... даже не капля, а ее жалкий последыш черного цвета.

— Как интересно... — протянул Хантер и в задумчивости начал крутить сережку в ухе. К слову, хотя размером это самое ухо ничуть не уступало обычному человеческому, форма его была иной: остроконечная,

Надежда Мамаева

с гораздо большим числом мелких хрящевых завитков внутри. А сразу от мочки шла серебристая вязь чешуек, заканчивавшаяся где-то на уровне ключицы. Одним словом, это было ухо типичного сиятельного.

Глава департамента вновь взял трубку и, затянувшись, уставился на карту империи. Его взгляд остановился на южной границе. Анчар – почти пустыня – территория, официально считающаяся имперской, но на деле – дикая, живущая по своим законам, хранящая в своих недрах черное масло и встречающая путников ярко-рыжими пыльными бурями.

ГЛАВА 1

Жаркий иссушающий ветер подхватил пригоршню песка и запустил ею мне в лицо. По привычке я отвернулась, смежав веки. Спустя несколько мгновений порыв ослаб, позволив мне открыть глаза и вновь приняться за работу. Сегодня я на зависть всем приютским пацанам помогала Хромому Джо чинить голема. Истукан, исправно батрачивший на благо воспитательного дома вот уже не один десяток лет, лежал на заднем дворе. У него был «технический осмотр», как гордо поименовал процесс выковыривания песка из примитивных глазниц и смазку металлических деталей сам Джо.

Хромой еще раз крякнул, сев на ступеньку лестницы, и с довольным видом разогнул механический протез. Потянувшись до хруста, он извлек из кармана кисет с табаком и, достав оттуда щепотку, положил ее в рот с намерением пожевать.

Поморщилась: запах табака я переносила, а вот манера выплевывать махорку меня отчего-то раздражала. Впрочем, недостатки наличествовали у всякого хорошего человека. Хромой Джо был очень хорошим человеком, а посему недостатков имел множество. К тому же он являлся одним из четверых в нашей Столице (а именно так гордо именовался городок на окраине Анчара), кто владел грамотой на приличном уровне.

Оттого и обучал Джо приютских грамматике, арифметике и истории. Помимо него, хорошо читать и писать умели только наша директриса леди Изольда, патер Август-Аврелий и кабачник Сэм. Последнего ни в жизнь не подпустили бы к учебному процессу, а патера мы дружно ненавидели всем приютом за его любовь к розгам и незапланированным постам. Нуднее, чем география, история и слово божье, неизменно оказывались только его проповеди, которые он читал каждую седмицу в своем приходе.

Директриса, естественно, конвоировала весь наш приют послушать, как патер блеет о Всерадетеле. А как же иначе воспитать из детей преступников нормальных людей? Также она любила повторять, что только труд может облагородить человека, и активно внедряла свою идею в жизнь, заставляя нас горбатиться то на приютском огороде, то месить кизяк, то выкидывать навоз из хлева. Таким образом, следуя ее логике, спины и вздернутые зады самых благородных можно было увидеть на стройках и плантациях.

– Тэсс, закончила с песком? – лениво поинтересовался Джо, сплевывая изжеванный табак.

– Ага, – я даже в подтверждение кивнула.

Поймала себя на мысли, что за те пять лет, что провела в Столице, стала ничем не отличима от местных: такая же смуглая, с выжженными солнцем волосами, мозолями на руках и ободранными коленками. А ведь когда-то обедала с дюжиной столовых приборов и четырьмя переменами блюд. А попав сюда... в бою голода с воспитанием второе продержалось ровно месяц. Потом ко мне, тогда еще тринадцатилетней, пришло понимание, что этикет наверняка придумал очень сытый

человек, и плюнула на все манеры, что вдалбливались мне с рождения.

Сейчас даже отсутствие ложки не помешало бы мне расправиться с миской каши.

— Тогда давай займемся башкой этого истукана, — Джо мотнул головой в сторону голема и нехотя поднялся со своего места.

Хромой, помимо того что вдалбливал в наши головы знания (правда, наука иногда доходила в них через задницу, после применения лучшего учебного средства — ремня), был еще и магом. Ну как магом... В пору своей юности и наличия двух ног он обучался в Академии магического искусства, что располагалась на парящей цитадели. Но на втором курсе не поделил красоту-адептку с одним из сиятельных, и его отправили рекрутом на границу восточного предела. Там Джо за время службы и распрощался как с юношескими иллюзиями, так и с одной конечностью. Но знаний своих не растерял. Их-то наставнику вполне хватало не только на починку голема, но и на сборку песочного монохода.

Глядя на Хромого, я еще раз убедилась, что ненавижу сиятельных — те еще самолюбивые засранцы.

Джо, не подозревая о моих мыслях, ткнул пальцем в спайку проволоки, которая выполняла функцию мозга у голема, и проворчал:

— Силовое плетение совсем износилось...

— Это вот та зеленая мерцающая нить? — решила я уточнить.

Магические механизмы привлекали меня всегда больше, чем пяльцы и иголки с нитками.

— Она самая... Эх, жаль... а я-то думал, что в еще одних боях наш номер один поучаствует.

Джо всегда звал приютского голема «номер один». То ли за то, что истукан всегда побеждал в боях, то ли за то, что тот был одним из самых старых истуканов в Столице.

— А может, попробовать подновить? — спросила я с затаенной надеждой.

Джо лишь упрямо мотнул головой, предпочитая спешке кропотливую надежность.

Бои были одним из любимейших местных развлечений. В эти дни в Столицу съезжались не только добропорядочные жители соседних поселений и караванные торговцы, но и кочевники, бандиты, контрабандисты. Ни те, ни другие не обходили сие грандиозное мероприятие вниманием.

За неделю, что шли бои, кабачник делал годовую выручку, а столичные девицы резво делали ноги, иначе девицами им было бы оставаться не долго: пьяным проигравшимся все равно, сколько у «молодки» морщин и зубов, выигравшим — тем более. В юбке — значит, баба. Главное, эту бабу за подол вовремя поймать, пока она в окно сигануть не успела.

Впрочем, один раз было наоборот: от рябой Марты караванщик наутро сам хотел сбежать. Но дочь кузнеца оказалась настороже и, отловив своими пудовыми ручищами попытавшегося испариться мужичонку, потащила его к патеру. Несчастный, закинутый на плечо, вопил на всю округу, но Марту это не смутило, впрочем, как и священника. Патер их обвенчал и, поскольку супругник дочки кузнеца оказался с ходочихой в ухе, с Марты сняли ошейник. Как же она этому радова-

лась тогда! Даже замужеству, по-моему, меньше, чем избавлению от ярма, висевшего всю жизнь у нее под подбородком.

Такие ошейники имелись у всех местных, «оседлых», как называли нас сиятельные. Больше всего это украшение мне напоминало тавро, что выжигали на боку у коров: такое обозначает, что буренка принадлежит к определенному загону и в иной ей ходу нет. А вот право свободно перемещаться по территории империи надо было заслужить, доказав свою благонадежность. Она выражалась у одних в звонкой монете, у других — в поступках, у третьих — через замужество. Ведь супруга — должна находиться подле мужа, как гласит закон.

Вот такие невеселые мысли бродили у меня в голове, пока я помогала Хромому Джо соединять нити плетения в голове голема. Работа была интересная, но кропотливая, требующая внимания и усидчивости. Поэтому помогала старику именно я, а не пацаны, у которых шило из задницы ни за что не вынешь.

Мы провозились до вечера, а когда начало смеркаться, директриса позвала нас ужинать. За столом нас ожидали малая порция каши из бахчи и большая заунывная молитва. К слову, эту самую кашу приютские жутко не любили: вы пробовали сварить дыню, кабачок и арбуз в одном чане? А именно таковы на вкус были гибриды, что чаще всего получались, когда эти бахчевые, что привольно чувствовали себя на жаркой анчарской земле, сажали рядом и они переопылялись.

Но если скудное приютское меню порою радовало нас кулинарным разнообразием (лепешки из кукурузной муки, овощной суп или запеканка), то вечерняя лекция чопорной леди накануне недели боев была